

Дмитрий Лукин

Цветник доктора Измайлова

*Часть сборника
Настоящая фантастика – 2016
(сборник)*

Дмитрий Лукин

Цветник доктора Измайлова

«ЭКСМО»

2016

УДК 821.161.1-312.9

ББК 84(2Рос=Рус)6-44 © Александер

Лукин Д.

Цветник доктора Измайлова / Д. Лукин — «Эксмо», 2016

ISBN 978-5-04-013788-6

«...Леня появился минуты через две. В легких туфлях и костюме. Даже куртку поверх пиджака не набросил. Но черную папочку прихватил. – Замерзнешь! – крикнул я. – С ума сошел? Он дождался, пока я поднимусь на крыльцо, и, выпуская изо рта пар, затараторил: – По Измайлову ситуация сложная. Скорее всего, мы сели в лужу. Ну... не мы одни. У «Комсомолки», «Известий» и «МК» ситуация такая же. Рассказываю коротенько с самого начала. Мужик разрабатывал язык для общения с братьями по разуму... – Поясни. Леня ткнул пальцем в небо и присвистнул. – Зеленые человечки, чужие и прочее уфо. Под это дело он получил серьезный международный грант и за два года полностью его освоил. Создал собственный институт конкретно для братьев по разуму. Целый институт ради одной задачи! Вроде бы дело шло. Появились кое-какие результаты. А потом – как гром среди ясного неба – аспирант академика Игорь Васильев защищает диссертацию, в которой убедительно доказывает, что поставленная задача не решается в принципе...»

УДК 821.161.1-312.9

ББК 84(2Рос=Рус)6-44 © Александер

ISBN 978-5-04-013788-6

© Лукин Д., 2016

© Эксмо, 2016

Дмитрий Лукин

Цветник доктора Измайлова

– Поднимись ко мне, есть разговор, – приказала трубка раздраженным голосом начальника.

Я рефлекторно взял под козырек свободной ладонью и медленно опустил трубку на рычаг.

Наш главный немногословен. Опять кроссвордом будет мозги полоскать. Всю утреннюю пятиминутку этот кроссворд обсуждали. Быть ему или не быть. Главный точно рогом уперся: воля акционеров и все такое. А что нам их воля? Получаем копейки, работаем только из-за любви к искусству. Мы тоже уперлись. Нашла коса на камень. Дело ж ясное: сначала кроссворд, потом голая девица на последней полосе – и прощай, легендарная газета. Тут или Пушкин спереди, или девица сзади. Вместе не сочетается. Хотя для нынешнего начальства Александр Сергеевич не авторитет. Рука не дрогнет портрет из названия убрать. Акционеры нашего сопротивления не ожидали. Для них мы – вторая древнейшая. И вдруг люди за честь газеты борются. Весь творческий коллектив акцию протеста устраивает под лозунгом: «НЕТ ЖЕЛТУХЕ! ДАЁШЬ КАЧЕСТВЕННУЮ ПРЕССУ!» Неувязочка.

Вообще-то, я только спустился.

Коллективно убедить редакцию не удалось, и, видимо, главный перешел к индивидуальной обработке. Заказ акционеров надо исполнять. Но почему он решил начать с меня?

Пока шел, дважды чуть не упал. У нас ремонт. На полу – мешки с цементом и шпаклевкой, канистры с грунтовкой, ведра с краской, тазы с валиками и шпателями, скомканный полиэтилен и слой пыли. Дышать нечем. Деревянные панели, отодранные от стен, превратили коридор в лабиринт. Кому они мешали? Теперь ходи – спотыкайся.

Эх, неспроста начальство ремонт затеяло. Крыша у нас не текла, штукатурка нигде не отваливалась (даже трещины не наблюдались). Миленько было, уютно. Предание веков чувствовалось. Дыхание прежних поколений. Теперь вместо старины глубокой будет у нас безликий офисный новодел. Дух редакции выкорчевали вместе с панелями. Эпоха перемен в отдельно взятой газете.

Чтобы не рассусоливать, я сразу же с порога и заявил:

– Моя позиция по кроссворду не изменилась.

Главный указал мне на стул, словно отмахнулся от назойливой мухи. А сам все в экран смотрит да мышкой щелкает. Занятой человек. Дорогие линзы в золотой оправе, брендовый пиджак, брендовый хронограф в корпусе из белого золота, внушительный золотой перстень и суровое-суровое выражение лица. Боже мой, зачем этому человеку кроссворд?

– Что-нибудь слышал об академике Измайлове?

– Это он получил фантастический грант за открытие, которое опроверг его аспирант?

– Он. У тебя с этим проходимцем встреча через час в его институте. Я уже договорился.

Мне нужен исчерпывающий материал о его исследованиях.

– Немного не по моей части.

– Отдел науки уже весь у него отметился. Тебя он еще не знает. Подбери к нему ключик и выведи на чистую воду.

– Но я очеркист, а тут нужно расследование.

– Поэтому тебя и отправляю. – На секунду главный отвлекся от экрана и посмотрел на меня. – Помню твое репортерское прошлое. Пришло время тяжелой артиллерии. Залезь к нему в душу (ты это умеешь) и покопайся там хорошенько. Нужен текст на полполосы

завтра к утру. Плюс фотографии. Пощелкаешь сам: нашего Женьку он к себе не подпустит. Потом дам тебе выходной. Свободен, очеркист.

Возвращался в кабинет под мантру: «Ты начальник – я дурак». Если уж репортерское прошлое вспомнили, дело – труба. На многие задания в бронежилете ходил. Теперь он с тремя дырками в шкафу висит. На что это главный намекает? Еще и тяжелую артиллерию помянул.

Звоню ответсеку. Он-то у нас все знает.

– Леня, – говорю, – что это за история с Измайловым?

– А с какой целью интересуешься?

– С производственной. Через час встреча. А я вообще не в теме. Главный чудит на ровном месте.

– Э, брат, да ты влип. Спускайся на крылечко. Ща покурим.

Еще и Леня издевается. Сам он принципиально не курит, меня тоже отвадил месяц назад. К тому же на крылечке сейчас минус двадцать пять и снежок, скорее всего, не убрали. В столовой пообщаться – не судьба. К чему такая конспирация?

Я переобулся, надел куртку – и с вещами на выход.

Лени на крылечке не было. Наверное, передумал «курить».

Я надел перчатки и шапку, спустился на площадку и начал методично, со скрипом утрамбовывать снег вдоль дорожки.

Леня появился минуты через две. В легких туфлях и костюме. Даже куртку поверх пиджака не набросил. Но черную папочку прихватил.

– Замерзнешь! – крикнул я. – С ума сошел?

Он дождался, пока я поднимусь на крыльцо, и, выпуская изо рта пар, затараторил:

– По Измайлову ситуация сложная. Скорее всего, мы сели в лужу. Ну... не мы одни. У «Комсомолки», «Известий» и «МК» ситуация такая же. Рассказываю коротенько с самого начала. Мужик разрабатывал язык для общения с братьями по разуму...

– Поясни.

Леня ткнул пальцем в небо и присвистнул.

– Зеленые человечки, чужие и прочее уфо. Под это дело он получил серьезный международный грант и за два года полностью его освоил. Создал собственный институт конкретно для братьев по разуму. Целый институт ради одной задачи! Вроде бы дело шло. Появились кое-какие результаты. А потом – как гром среди ясного неба – аспирант академика Игорь Васильев защищает диссертацию, в которой убедительно доказывает, что поставленная задача не решаема в принципе. Если грубо, то с вероятностью больше девяноста девяти процентов братья по разуму язык академика Измайлова не поймут. Что самое интересное, доказывает он это, основываясь на двухгодичной работе бок о бок с Измайловым. Научная общественность в шоке. Но журналисты выжидают. В конце концов, ученые тоже ошибаются. Тут громкой сенсации не поджаришь, хотя ситуация все равно интересная: либо Измайлов жулик, либо дурак. Определенности не было. Тема подвисла. А дальше еще интереснее. Измайлов ничтоже сумняшеся просит грант на те же исследования, но уже у правительства России. И получает его. Тут наша братия с цепи и сорвалась. *Жулик, откаты, распил. Некраснющее лицо российской науки.* Помоев на Измайлова вылилось много. Наши научники свою струйку тоже плеснули. Оттянулись хорошо. Красочно. – Леня передернул плечами.

– Ну и...

– Картину испортил Интернет. На защиту Измайлова встали блогеры. И я думаю, они правы. Мы ошиблись.

– Леня, покороче. Опаздываю.

– Коллеги, Дима. Все дело в коллегах. Из Физтеха, из Бауманки, из Академии наук. Все в один голос твердят про Измайлова: глубоко порядочный человек. Студентов в общежитие устраивал на бюджет, некоторых к себе пускал пожить, куче народу с диссертациями помогал, публикации в научные журналы проталкивал... Денег не брал. Предлагали – отказывался наотрез. Не стяжатель. Да что я тебе рассказываю. Дима! Чтобы в Российской Академии наук про живого коллегу говорили «ГЛУБОКО ПОРЯДОЧНЫЙ», это надо быть Дмитрием Сергеевичем Лихачевым до октября девяносто третьего. Другого прецедента я не знаю. А теперь вот Измайлов.

– Спасибо, Лень, понял, бегу. Иди грейся.

– Стоять! – улыбнулся он и протянул мне черную папку. – Материалы по Измайлову. Биография, фото, наши статьи, адрес института, схема проезда. Прочти, что успеешь. Потом вернешь вместе с папкой.

– Лады.

Я спустился с крыльца и заскрипел по дорожке.

– Дима!

Простудится наш ответсек. Как пить дать простудится. Ну чего рукой машет? И так уже поднимаюсь...

– Забыл что-то?

– Маленькая деталь. Он еще не каждого на порог пускает. Будь готов к интеллектуальной проверке. У нас Костиков проверку не прошел. Но это между нами.

– Напрасно ты меня курить отучил. Сейчас бы одна сигаретка – и мозги бы на место встали.

– Обратной дороги нет. Мужик сказал – мужик сделал, – улыбнулся Лень и вытер ледышки с усов.

– А что он у Костикова проверял?

– Таблицу умножения.

Я присвистнул.

– Серьезный ученый.

– А то! Все, заморозил ты меня уже. Дальше сам.

Ленина схема привела меня к арке дома № 23.

Прямо под номером – оранжевая палатка с мороженым. Продавщица, закутанная в серую шаль поверх синего пуховика, изображала местную ниндзя-черепашку. Глаза в прорези шали выжидающе остановились на мне.

Можно считать, пришли.

Курить хотелось до дрожи в руках. Не лучшее состояние перед интервью. Надо было хоть как-то переключиться. Я подошел к «ниндзя-черепашке» и спросил:

– Орешков у вас нету погрызть?

Она покачала головой, но глаза в прорези шали лукаво улыбались.

– Погрызите пломбир в вафельном стаканчике.

– И сколько стоит такое счастье?

– Двадцать рублей!

Пока я снимал перчатки и лез в карман за деньгами, она открыла ларь и достала оговоренный стаканчик.

Обменялись.

– Приятного аппетита! Грызите на здоровье!

Арка вывела меня во двор-колодец. Я стоял на дне, а надо мной нависали четыре стены из бетона и стекла, зажавшие голубой квадратик неба. Интересная архитектура. Я огляделся:

внизу каждой стены обнаружилось по две двери (правда, без номеров и опознавательных табличек). Институт господина Измайлова прятался за одной из них. Найдем методом перебора. Я решил начать с двери медного цвета, облагороженной навесом, перильцами и крыльцом в одну ступеньку.

На крыльцо подниматься не стал. Время еще есть. Минут восемь осталось. Вот сейчас покончу с plombи́ром и буду звонить-спрашивать. А то руки уже немеют.

Странное попало мороженое. На вкус – что-то среднее между снегом и льдом. И задубело не столько от холода, сколько от внутренней химии. Надо было за сорок рублей рожок взять.

Я судорожно пытался вспомнить материалы из Лениной папки. Кое-что успел проглядеть в вагоне метро и на эскалаторе. Графики, тезисы, обвинения. Но теперь все вылетело из головы. Только имя-отчество осталось. Семен Михайлович.

Кури́ть хотелось до жути. Не помогло мороженое.

Сзади щелкнул замок. Я повернулся и увидел, как на мороз выходит дядечка лет пятидесяти с кургузым веником в руках, одетый в черное пальто и шапку-ушанку. Не обращая на меня внимания, дядечка закрыл за собой дверь и принялся бодренько сметать едва заметный снег с бежевой плитки и с антискользящего коврика. Я посторонился, чтобы не мешать.

– Как вы можете это есть? Вам не холодно? – спросил дядечка, продолжая сметать снег.

Ну что за люди! Сто́ит тебе в двадцати- или тридцатиградусный мороз погрызть мороженое, так обязательно кто-то спросит: «А вам не холодно?» Подметаешь крыльцо – и подметай!

– Нормально мне. Почти вкусно.

– Ищите кого-то?

– Жду.

– Что ж, тогда и я с вами подожду.

Он закончил сметать снег и поставил веник к стене у перил.

Тут до меня начало что-то доходить. Фотография из Лениной папочки возникла прямо перед глазами. Небольшая бородка с проседью, очки в позолоченной оправе, взгляд с лукавыми искорками...

– Семен Михайлович?

– Он самый.

Я огляделся в поисках урны.

– Нет-нет, – запричитал Семен Михайлович. – Даже не думайте. Кушайте спокойно. Я никуда не спешу. Проветриться вышел. От компьютера отдохнуть. Думал, вы попозже заглянете. Обычно ваш брат опаздывает.

– Может, присоединитесь? Хотите рожком угощу? Вместе погрызем.

– Увольте. Лучше уж посидеть в ресторанчике. У нас тут, кстати, рядышком, в двух минутах, приличная таверна открылась. Какой там французский коньячок подают! У-у-у! Бесподобная вещь. Сказка! А стейки какие! Пальчики оближешь!

Упс... Бесподобный французский коньяк да еще со стейком «Пальчики оближешь» – это половина моей зарплаты.

– Давайте в другой раз, у меня сейчас...

– Ловлю на слове! – радостно перебил Семен Михайлович. – Попозже сходим. Не проблема. Вы угощаете!

В горле как-то сразу пересохло. Неожиданно кончилось мороженое. Пальцы совсем онемели. Я неуверенно кивнул и стал надевать перчатки. Кое-как справился. Глубоко порядочный человек, говорите? Ну-ну! Погрыз мороженое! Внутри меня никто не пригласил. Нет денег на таверну – стой на морозе.

– Я читал ваши материалы, – грустно сказал Семен Михайлович, поправляя шарф. – Мне понравилось. Но вы ведь гуманитарий. Пишете портретные очерки. Редкий нынче жанр.

– Все верно. Рад, что вам понравилось.

Он проигнорировал мои слова.

– Вы работаете в тетрадке «Человек», а не «Наука». Почему же ко мне послали вас?

– Честно говоря, и сам не знаю. Журналисты – люди подневольные. Начальство приказало – мы исполняем.

– И что же вам приказали написать про меня?

Семен Михайлович натянул шапку поглубже на уши. Видимо, мороз и до него добрался. Усы и борода покрылись инеем.

– Текст на полполосы. Начальство хочет прояснить ситуацию с вашим институтом. Вас оскорбляет мое присутствие?

– Боже мой! Конечно, нет! Дело в другом! Тут *научные* журналисты такое выдавали, что мне плохо становилось. А уж гуманитариев (после парочки визитов) я вообще боюсь. Сейчас ведь какое образование? Сплошная профанация да креатиф-ф. А нам такое дело противопоставлено. У нас научный институт, и профанов я за порог не пускаю. Не имею желания тратить на них время. Из вашей газеты человек приходил – таблицы умножения не знает. Представляете? Я думал, дальше катиться уже некуда. Ошибался. Из другой газетки коллегу вашего прислали, так он уверен, что Солнце вращается вокруг Земли.

Пришлось заступиться за коллегу.

– Он прав, – не моргнув, сказал я. – У нас же ось мира проходит через глаз наблюдателя: тут целые созвездия вращаются, не то что Солнце! Эклиптику ведь не просто так придумали. А суточное вращение Солнца? Все относительно. Никогда не фотографировали Полярную звезду с открытым объективом? Уже через час круговорот начнется. Учебник астрономии. Десятый класс.

– Ваш коллега учебник астрономии в глаза не видел. Вы мне тут софистику не устраивайте, – с показной злостью проговорил Семен Михайлович, а под конец еще и фыркнул: – Солнце у него вращается!

– Все относительно, – смиренно повторил я, глядя на квадратик неба.

– Таблица умножения абсолютна!

– Обижаете. Неужели и до этого докатимся?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.